

© 2014 г. Т.В. ДУБРОВСКАЯ

**СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ СУДЕЙ
(на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний)**

В настоящей статье судебный дискурс исследуется как культурный феномен. Выявляются различия в дискурсивном поведении российских, английских и австралийских судей, и предлагается объяснение этих различий с точки зрения исторического развития судебных систем, социальных факторов и национально-культурной специфики мышления. Анализ касается трех аспектов поведения судей: степени речевой активности, оценочности и эмоциональности, а также вежливости.

Ключевые слова: судебный дискурс, судья, речевое поведение, культура

The present paper explores courtroom discourse as a cultural phenomenon. It is aimed at revealing differences in discursive behaviour of Russian, English and Australian judges, and accounting for them in terms of the historical development of the legal systems, social factors, as well as specifics of national mentalities. The analysis consider three aspects of judges' behaviour: the degree of verbal activity, evaluation and emotionality, and politeness.

Keywords: courtroom discourse, judge, verbal behaviour, culture

1. ВВЕДЕНИЕ: ПРАВО, КУЛЬТУРА И ЯЗЫК

Проблема взаимосвязи между правом, культурой и языком имеет несколько аспектов, которые в разной степени освещались в научной литературе. Теоретики права, понимающие культуру как коллективные убеждения, ценности, традиции, привязанности или воззрения, задавались вопросами, насколько глубоко право связано с культурой и в какой степени возможна свобода права от культуры [Cotterrell 2006], а также в какой степени закон является выражением культуры и ментальности, как интерпретация права зависит от принадлежности интерпретатора к той или иной культуре [Rosen 2008; Renteln 2005]. Изменения в современном обществе и рост влияния средств массовой информации на общественное сознание предопределили выделение такого аспекта взаимоотношений права и культуры, как влияние поп-культуры на восприятие права и правовых институтов обывателями [Thaler 1994; 1997; Greenfield, Osborn 2003]. Авторы лингвистических исследований, посвященных судебной коммуникации, также отмечают необходимость единого – с культурной точки зрения – понимания действительности для успешного осуществления правосудия [Bennett, Feldman 1981] и указывают на то, что суд является важным локусом пересечения права, культуры и языка [O'Barr 1982; Conley, O'Barr 1990; Stygall 1994].

В настоящей статье мы обращаемся к судебному дискурсу, который понимаем как вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое формируется в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте, причем конечной целью этого процесса коммуникации является разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации. Акцент на национально-культурном аспекте формирования судебного дискурса позволяет пред-

ставить его как культурный феномен, то есть как явление, суть которого определяется совокупностью целого ряда факторов, присущих той или иной лингвокультурной общности.

Центральной фигурой, определяющей легитимность и упорядоченность любого судебного процесса и воплощающей правосудие, в том числе посредством языка, является фигура судьи. Вокруг судей выстраивается многоголосая конструкция судебного дискурса, в которой свое место занимает речь других участников судебного процесса. Речевое поведение судей и его национально-культурная специфика представляют объект настоящего исследования, однако речевое поведение других участников также не может остаться без внимания, поскольку судебный процесс представляет собой когерентную последовательность речевых обменов, лингвистически и прагматически взаимосвязанных.

В настоящей работе мы утверждаем, что русский и англоязычный судебный дискурс специфичен с национально-культурной точки зрения. Прагматические характеристики поведения судей (активность vs. пассивность, эмоциональность и оценочность vs. нейтральность, вежливость vs. невежливость) реализуются языковыми средствами и обусловлены рядом социокультурных факторов, таких как историческое развитие судебных систем, существующая социальная действительность, особенности национального коммуникативного поведения и мышления. Понимая, что перечисленные факторы нередко представляют собой разнонаправленные векторы, мы не стремимся упростить ситуацию и далее демонстрируем сложный характер взаимодействия противоположных тенденций в судебном дискурсе, что и предопределяет его национально-культурную специфику.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОД

Данными для исследования послужили тексты приговоров, стенограммы и аудиозаписи судебных заседаний, а также ручные записи, сделанные автором в ходе российских, английских и австралийских судебных заседаний (1999–2013). Цитируемые в статье материалы приведены в Списке источников. Кроме того, для обоснованности выводов и обобщений были рассмотрены другие собранные автором русские, английские и австралийские материалы, принадлежащие к разным судебным жанрам: допросы, приговоры, обращения судей к присяжным. В целом использованы материалы 35 судебных процессов, которыми руководили 25 судей. Объем материалов разных процессов, как и объем отдельных текстов разных жанров, различен. Отдельные документы и выступления судей, например, приговоры, содержат около 3000 словоупотреблений. В случаях продолжительных судебных процессов количество словоупотреблений достигает 1 450 000 единиц. В целом счет идет на несколько миллионов словоупотреблений. Личный опыт автора в качестве наблюдателя нескольких судебных процессов в каждой из трех стран (России, Англии и Австралии) позволяет избежать необоснованных утверждений.

Методологический подход к материалу можно охарактеризовать как функциональный. Текстовый анализ, включающий анализ лексических, грамматических, синтаксических и стилистических средств, сочетается с анализом экстралингвистических факторов, таких как коммуникативные цели участников общения, их социальный статус, непосредственный ситуативный и более широкий социальный и исторический контекст, особенности национального мышления. Сочетание текстового анализа с анализом экстралингвистических факторов позволяет определить характер взаимосвязи между языком, культурой и правом в рамках судебного дискурса.

В ходе исследования выделено несколько аспектов судебного дискурса, в которых культурная специфика проявляется в наибольшей степени. Эти аспекты будут последовательно рассмотрены в разделах 3, 4 и 5 статьи. Статья завершится разделом «Выводы».

3. АКТИВНОСТЬ СУДЕЙ В СОСТЯЗАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ПРАВОСУДИЯ: НОРМА И РЕАЛЬНОСТЬ

Первое и, возможно, самое очевидное различие между речевым поведением российских и англоязычных судей касается степени их активности в ходе судебного заседания по уголовным делам. И англосаксонская, и российская системы правосудия являются состязательными системами, где не поощряется активное вмешательство судьи в ход судебного процесса. Описывая судебный процесс в состязательной системе правосудия, известный английский адвокат и автор руководства для начинающих коллег К. Эванс пишет: «Судья действует как беспристрастный рефери, наблюдая за своего рода игрой адвокатов в судебный теннис. Если адвокаты хорошо знают свое дело, то в идеале судья должен просидеть весь процесс практически молча. Когда-то давно новоиспеченным английским судьям давали совет взять в рот глоток святой воды в начале дня и держать его до самого конца» [Evans 1995: 89–90]. (Перевод с английского здесь и далее мой. – Т. Д.)

Австралийская судебная система, сформировавшаяся под решающим влиянием английского права, также построена на принципе состязательности и ограниченном участии судьи в уголовном процессе. Характеризуя уголовный процесс в Австралии, адвокат и автор исследования по судебной практике Б. Миллз отмечает: «В основе уголовного процесса в Австралии, согласно традициям Общего права, лежит принцип состязательности, по которому в качестве протагонистов выступают Корона, с одной стороны, и обвиняемый, с другой стороны... В такой системе сами стороны определяют предмет спора и решают, кого следует вызвать в суд в качестве свидетелей, тогда как судья и присяжные все время сохраняют независимость и беспристрастность. В состязательном процессе у судьи нет права вести допрос» [Mills 2011: 6]. В подтверждение своего тезиса, Б. Миллз цитирует выдержку из судебного решения: «В тех случаях, когда интересы обвиняемого представляет профессиональный адвокат, вмешательство судьи в ход дела обычно сведено к минимуму» [Ibid.].

Подход, согласно которому представители обвинения и защиты должны выполнять основные обязанности по сбору фактической информации, закреплен и в российском законодательстве. Согласно п.п. 2, 3 ст. 278 Ч. III Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), роль судьи сводится к тому, что перед допросом председательствующий устанавливает личность свидетеля, выясняет его отношение к подсудимому и потерпевшему, разъясняет права, обязанности и ответственность. Далее следуют прямой и перекрестный допрос, после чего вопросы свидетелю задает судья [УПК 2008]. Приводя подтверждение того, что судебный процесс в России является состязательным, отечественный правовед А.С. Александров пишет о том, что «последний этап допроса – постановка допрошенному сторонами свидетелю дополнительных вопросов председательствующим (членами суда) – не носит обязательного характера и осуществляется по усмотрению суда» [Александров 2003: 294].

По нашим наблюдениям, однако, речевое поведение отечественных судей в ходе заседаний по уголовным делам не всегда соответствует законодательно закрепленным нормам. Отечественные судьи часто принимают активное участие в судебном заседании, и судебный допрос не является исключением. В примере (1) список вопросов, адресованных судьей свидетелю, наглядно иллюстрирует высокую степень активности судьи в судебном процессе:

- (1) *Сколько работали?*
Что в феврале случилось?
Кому идея принадлежала?
Каким образом заказы распределялись?
У кого телефоны были?
Она знала, что вы несовершеннолетняя?
Кто хозяин конторы?
Давайте поподробнее про распорядок дня.

*Кто разговор ведет?
Деньги когда отдаются?
Квартира кем оплачивалась?
Водителя кто оплачивал? (РЗ 2009)*

В некоторых ситуациях судьи проводили такой тщательный допрос свидетелей или подсудимых до допроса сторонами, что у представителей сторон не было необходимости задавать дальнейшие вопросы.

Поведение английских и австралийских судей в целом соответствует традициям состязательного процесса, что отличает его от поведения российских судей. В ситуациях, когда англоязычным судьям требуются более подробные разъяснения участников судебного процесса, они склонны воздерживаться от вопросов и побуждают представителей сторон задать уточняющий вопрос. В примере (2) свидетель упоминает специфический запах замазки для кузова автомобиля, и судья, желая уточнить, какого рода это был запах, косвенно, но достаточно настойчиво, побуждает адвоката задать вопрос:

- (2) JUDGE: *Is anybody going to ask what body filler smells like?*
WITNESS: *Obviously you all repair your own cars so you all know.*
DEFENCE: *All the time.*
JUDGE: *Probably get somebody to do it. Anybody want to ask or is it assumed we all know.*
DEFENCE: *Mr Butler can you describe in any other way the sort of smell, I know smells are difficult to describe, what body filler smells like?*
WITNESS: *Like a sweet smell, it gets in the back of your throat, a strong smell (Huntley, Carr 2003).*
«Судья: *Кто-нибудь собирается спросить, как пахнет замазка для кузова?*
Свидетель: *Очевидно, вы все ремонтировали свои машины и знаете.*
Защита: *Все время.*
Судья: *Возможно, надо, чтобы кто-нибудь это сделал. Кто-нибудь собирается спросить или предполагается, что мы все знаем?*
Защита: *Мистер Батлер, вы можете как-нибудь описать тот запах? Я знаю, запахи сложно описать, но как пахнет замазка для кузова?*
Свидетель: *Такой сладкий запах, он проникает глубоко в горло, сильный запах».*

В другой ситуации австралийская судья спрашивает у допрашивающей стороны разрешения вмешаться в ход допроса, объясняет причину вмешательства и только затем задает вопрос подсудимому:

- (3) JUDGE: *Can I ask a question because it is related to the issue. Before you wrestled with Mr Horack, where was the coffee-table? (Almansouri 2012)*
«Судья: *Можно я задам вопрос, потому что он связан с тем, о чем говорится. До того как вы начали драться с мистером Хоракком, где был кофейный столик?»*

Наблюдения над поведением англоязычных судей позволяют утверждать, что их вербальное участие в судебном допросе часто обусловлено необходимостью осуществлять контроль действий других участников процесса. Если российские судьи адресуют свидетелям и подсудимым вопросы, направленные на получение фактической информации, то реплики англоязычных судей практически всегда носят технический характер, как, например, просьба австралийского судьи говорить громче:

- (4) JUDGE: *Your voice is very quiet and you tend to look at the interpreter. Please, remember you are not having a conversation with the interpreter. You are giving evidence to the jury. They should be able to hear you (Almansouri 2012).*
«Судья: *Вы говорите очень тихо и почти все время смотрите на переводчика. Пожалуйста, помните, что это не беседа с переводчиком. Вы даете показания присяжным. Они должны иметь возможность слышать вас».*

Разную степень речевой активности и разный характер вопросов российских и англоязычных судей можно отчасти объяснить обстоятельствами формирования состязательных систем в России и англоязычном мире. До начала XXI в. российская система правосудия действовала по принципу, согласно которому в обязанности судьи

входил сбор доказательств и поиск истины. Принятый в 2001 г. новый УПК РФ способствовал переходу российской судебной системы от инквизиционного принципа к принципу состязательности. С формальной точки зрения российские судьи утратили свое право вмешиваться в ход допроса свидетеля или подсудимого, если только не нарушается процедура, и могут проводить допрос только после окончания допроса сторонами обвинения и защиты. На практике, однако, отечественные судьи по-прежнему стремятся контролировать ситуацию. Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что трансформации институтов власти не сводятся к принятию нового законодательства, предполагая еще и смену образа мысли представителей этих институтов, что может занять длительное время и даже потребовать смены поколений практикующих юристов.

4. ОЦЕНОЧНОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В СУДЕЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Если сравнивать речевое поведение российских и англоязычных судей, то еще одно различие касается принципа соблюдения беспристрастности. Как замечает К. Эванс, судьи должны не только хранить молчание, но и демонстрировать абсолютную беспристрастность [Evans 1995: 90]. Американский исследователь Дж. Гиббонс объясняет принципы англо-американской судебной системы следующим образом: «Функционирование судебной системы наряду с обладанием властью предполагает также обезличенность. В принципе на принятые по закону решения не влияют ни личности, ни чувства участников. Часто применяемая метафора характеризует закон как машину или бездушную систему» [Gibbons 2005: 76]. Похожая мысль высказана в другой работе: «Наше чувство справедливости и культурные ценности, на которых оно базируется, требуют, чтобы закон относился ко всем людям одинаково, чтобы он был слеп к расовой и классовой принадлежности, возрасту или полу» [O'Vart 1982: 11]. Российская исследовательница, обсуждая проблему непредвзятости в российских судах, напоминает, что принцип судебной непредвзятости требует от судьи справедливого отношения к любому участнику судебного процесса [Моисеева 2003: 46].

Поскольку непредвзятость необходима для отправления правосудия, эта норма закреплена в российских, английских и австралийских нормативных документах. Российский «Кодекс судебной этики» [Кодекс 2012], а также английское и австралийское «Руководство по поведению для судей» [Guide 2007; 2009] требуют от судей беспристрастного поведения.

Анализируя в настоящей статье этот аспект работы судей, мы не стремимся ответить на вопрос, насколько справедливы судебные решения. Это вне компетенции лингвиста. Однако мы представим некоторые наблюдения, касающиеся проявлений в речи судей пристрастности к участникам процесса. К таким проявлениям мы относим оценочность и эмоциональность, тесно связанные между собой и часто получающие языковое выражение в одном высказывании. По нашим наблюдениям, в ходе судебных допросов российские судьи проявляют более оценочное отношение к участникам судебного процесса, чем англоязычные судьи, не склонные к вербальному проявлению своего личного отношения к происходящему. Для дискурсивного поведения российских судей типична оценка действия подсудимого, а иногда и свидетелей не только с точки зрения права, но и с точки зрения морали, т. е. берут на себя функции «морального судьи». Полагаем, что такое речевое поведение можно считать проявлением очень важной черты русского менталитета – «судейского комплекса». «Судейский комплекс», по словам исследовательницы русского менталитета К. Касьяновой, связан с приматом нравственной сферы в области принятия решения и поступка [Касьянова 1994: 235]. Авторы оценок на основе «судейского комплекса» вникают в чужие проблемы, не касающиеся их лично, чтобы восстановить справедливость, моральные нормы. Склонность к вмешательству в чужие дела, оценочность и эмоциональность отмечены как характерные черты русского коммуникативного поведения во многих работах отечественных и зарубежных исследователей [Стернин 2000; Уфимцева 2000; Гачев 1998; Вежицкая 1997; Rathmayr 1996;

Richmond 1992]. Безусловно, представления о присущих той или иной лингвокультурной общности чертах характера и коммуникативного поведения имеют обобщающий характер и не могут быть отнесены к каждому представителю лингвокультуры в каждой конкретной ситуации. Тем не менее эти представления, часто воспринимаемые как стереотипы, являются частью культурного контекста и в значительной мере определяют рамки дозволенного в общении. Коммуникант выбирает стратегии и тактики речевого поведения из набора, уже ограниченного национально-культурными нормами. О существовании культурного контекста и его роли в коммуникации пишет австралийский исследователь Э. Лиддикот. Он понимает коммуникацию как «использование культурно обусловленного кода в культурно обусловленном контексте с целью создания культурно обусловленных значений» [Liddicoat 2009: 130]. По мнению ученого, которое мы разделяем, «такой взгляд на коммуникацию не противоречит идее о тексте, который выстраивается на частном уровне и толкуется конкретным реципиентом, а добавляет в сообщение дополнительный слой контекста» [Ibid.].

Частью русской культуры, определяемой как полихронная [Садохин 2004], является не только склонность заниматься несколькими делами сразу, но и недостаточно четкая граница между деловой сферой и частной жизнью, их частое смешение (см., например, замечания об этических нормах российских предпринимателей [Маслов 2009]). Размытость границ между институциональным и личным общением можно наблюдать в самых разных сферах человеческой жизни в России, в том числе в сфере судебной.

В следующем фрагменте судебного допроса судья указывает на неблагоприятное, вызывающее осуждение поведение подсудимой, противоречащее ее статусу матери:

(5) СУДЬЯ: *Ребенок ваш где и с кем находился, пока вы в Саранск ездили?*

ПОДСУДИМАЯ: *С 3.*

СУДЬЯ: *С 3.? То есть пока вы пили, гуляли, ребенок там находился? (РЗ 2008/1)*

В данном фрагменте отрицательную оценку получают не собственно преступные деяния подсудимой, а сопутствующие им действия, вызывающие у судьи человеческое неприятие и моральное осуждение. В конце допроса подсудимой судья вновь обращается к теме ребенка и несоответствию поведения подсудимой нормам, принятым в обществе. На этот раз моральное осуждение соединяется с правовой оценкой ситуации и озвучивается возможный срок наказания:

(6) СУДЬЯ: *Знаете, что за один эпизод до шести лет? Поедете тогда в Мордовию. (Намек на женскую колонию в Мордовии. – Т. Д.) А у вас ребенок. В школу пойдет в пятый класс – мама приедет из Мордовии. Выводы сделали для себя? Или вас здесь как постоянных клиентов ждать? (РЗ 2008/1)*

Если рассмотреть данную ситуацию с точки зрения психологии, а именно в рамках транзакционного анализа [Берн 2008], то можно увидеть, что коммуникация между судьей и подсудимой строится не по схеме «взрослый – взрослый», адекватной институциональному общению, а по схеме «родитель – ребенок», характерной для межличностного общения. Подобным образом в эпизоде из другого процесса судья и прокурор, решая дальнейшую судьбу подсудимой, переходят к обсуждению ее семейных проблем. Стимул осуждения, идущий от судьи и прокурора, получает соответствующую эмоциональную реакцию – подсудимая плачет, как ребенок:

(7) СУДЬЯ: *А мама куда у вас делась?*

ПОДСУДИМАЯ: *Она больная. Ее сестра забрала в Тамбов.*

ПРОКУРОР: *Что с вами делать-то? Не плачьте (РЗ 2009).*

Очевидно, что в данном обмене репликами нарушены нормы институционального общения, нарушена граница между нейтральной институциональной коммуникацией и лично ориентированным эмоционально окрашенным речевым взаимодействием. Черты русского коммуникативного поведения берут верх над нормами собственно институционального взаимодействия, официально закрепленными в нормативных документах.

Примеры эмоционально-оценочного отношения российских судей к свидетелям и подсудимым включают иронию, сарказм и даже выражение недоверия к их показаниям. Следующей саркастичной ремаркой судья выражает осуждение в адрес свидетеля, который отказывается от показаний, данных в ходе досудебного следствия. Судья спрашивает, читала ли свидетель показания перед тем, как подписывать, и затем ядовито замечает:

(8) СУДЬЯ: *Вы неграмотная? Я так понимаю, грамотности вести учет клиентов у вас хватало* (РЗ 2009).

Другой пример иллюстрирует недоверие судьи к показаниям подсудимого, что также является проявлением оценочности. Один из двух подсудимых отрицает факт употребления им наркотиков перед совершением преступления, и это вызывает сомнения судьи:

(9) СУДЬЯ: *На самом деле приняли дозу?*

ПОДСУДИМЫЙ: *Нет.*

СУДЬЯ (*иронично*): *Х. принял, а вы не принимали* (РЗ 2008/2).

Спустя некоторое время судья эксплицитно оценивает степень достоверности показаний подсудимого:

(10) СУДЬЯ: *Более правдоподобно звучит версия Х* (РЗ 2008/2).

Следует заметить, однако, что в определенных ситуациях отрицательная оценка в речи судей вызвана неадекватным, не соответствующим ситуации поведением участника судебного процесса. В примере (11) свидетель выходит давать показания суду и жует жевательную резинку. Судья, заметив это нарушение процедуры, обращается к нему:

(11) СУДЬЯ: *Смирнов, перестаньте жевать. Это общественное место. И это – суд, одна из ветвей власти. Представьте, что перед вами президент Российской Федерации. Вы же не будете перед ним жевать. Суд тоже власть. Чтоб не проглотить, выплюньте* (РЗ 2008/2).

Для поведения английских и австралийских судей характерно нейтральное отношение к участникам процесса и отсутствие эмоциональных проявлений, что в значительной мере соответствует стереотипному представлению об англосаксонском коммуникативном поведении, для которого характерны сдержанность, самоконтроль, нежелание осуждать и высказывать отрицательно-оценочные суждения [Fox 2005; Гачев 1998; Вежбицкая 1997; Овчинников 1987]. В данной ситуации типичные черты англосаксонского коммуникативного поведения усиливаются институциональными правилами, налагающими ограничения на способы речевого поведения англоязычных судей, и непредвзятость и нейтральность англоязычного судейского дискурса кажется естественной.

В то же время в любом институциональном контексте огромную роль играют жанровые конвенции. Подчеркивая важность жанра в юридической сфере, американский исследователь судебной коммуникации Дж. Гиббонс дает ему следующее определение: «Жанр – это общий план какого-либо типа дискурса, который состоит из упорядоченной последовательности шагов или стадий, которую люди проходят в данной социально значимой деятельности» [Gibbons 2005: 11].

Жанр предопределяет не только структуру текста, но и его риторические характеристики, в частности степень эмоциональности. Анализ материалов судебного дискурса позволяет утверждать, что конвенциональные риторические характеристики институционального жанра могут вступать в конфликт с национально-специфическими характеристиками коммуникативного поведения. Так, в жанре судебного решения, в котором судья формулирует свое понимание дела и определяет наказание, обнаруживается противоречие между типичными чертами русского и английского коммуникативного поведения, с одной стороны, и языковыми формами судебных решений, с другой. Российские судьи, будучи представителями лингвокультуры, которой свойственна большая эмоциональность, являются авторами судебных решений, абсолютно лишенных какой-

либо эмоциональности. Текстам русских судебных решений и приговоров присущи черты письменной речи: большое количество клише, книжная и официально-деловая лексика, сложные и осложненные предложения:

- (12) *Наряду с этим, в качестве обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, суд учитывает, что А. привлекался к административной ответственности (лист дела 47), ранее неоднократно судим, в том числе за совершение аналогичных преступлений (лист дела 37–42, 99–104), однако, освободившись из мест лишения свободы 29 июня 2008 года (лист дела 43), должных выводов для себя не сделал, на путь исправления не встал и спустя небольшой промежуток времени вновь в состоянии алкогольного опьянения совершил преступление средней тяжести (Приговор 2008).*

Длина предложения составляет 66 слов. Сложноподчиненное предложение осложнено причастным оборотом, деепричастным оборотом, однородными членами предложения. Используются клише, типичные для официально-делового стиля. Отсутствие эмоциональности в русских текстах судебных решений также достигается за счет монологического характера документа, фиксирующего решение судьи, но не имеющего признаков адресованности конкретному реципиенту.

В отличие от русских судебных решений английские и австралийские приговоры глубоко эмоциональны, что совсем не соответствует типичным коммуникативным характеристикам англосаксонской культуры. Рассмотрим пример английского приговора:

- (13) *Ian Kevin Huntley, on the 4th August 2002, you enticed two ten year old girls, Holly Wells and Jessica Chapman, into your house. They were happy, intelligent and loyal. They were much loved by their families and all who knew them. You murdered them both. You are the one person who knows how you murdered them. You are the one person who knows why. You destroyed the evidence, but you showed no mercy and you showed no regret (Huntley, Carr 2003).*

«Ян Кевин Хантли, 4 августа 2002 года вы заманили двух десятилетних девочек, Холли Уэллс и Джессику Чэпман, в свой дом. Они были счастливыми и умными, а также верными подругами. Их любили семьи и все, кто их знал. Вы убили их обеих. Вы единственный человек, кто знает, как вы убили их. Вы единственный человек, кто знает зачем. Вы уничтожили улики, но вы не проявили жалости и вы не проявили раскаяния».

Небольшая длина предложений, простые грамматические формы в сочетании с риторическими приемами не оставляют сомнений в том, что это фрагмент устной речи, призванной оказать воздействие на слушателей. Параллельные конструкции, повторы и антитеза, а также лексика со значением выражения эмоций нагнетают атмосферу и подчеркивают весь ужас совершенного преступления. Форма прямого обращения к подсудимому определяет диалогический характер речи судьи.

Наряду с эмоциональностью для англоязычных приговоров характерна оценочность, выражение отношения судьи к событиям самого преступления или предшествующим ему. Так, в приговоре по делу об убийстве одного из участников любовного гомосексуального треугольника австралийская судья выражает свое отношение к предшествующей убийству ситуации, когда отношения между тремя мужчинами вызвали постоянную взаимную ревность и напряжение:

- (14) *It is obvious to me that, as supposedly mature adults, one of you, if not all of you, should have had the sense to terminate the living arrangements (Almansouri 2013).*

«Для меня очевидно, что как у зрелых взрослых людей у одного из вас, если не у всех, должно было хватить здравого смысла, чтобы прекратить такое совместное проживание».

Аргументируя приговор, судья характеризует факт преступления, используя эпитеты *ferociously* «яростно, зверски», *repeatedly* «несколько раз», *unarmed* «безоружный» и подчеркивает эмоциональную природу преступления словами *jealousy* «ревность», *insecurity* «неуверенность»:

- (15) *I consider it just for you to receive a sentence of life imprisonment. You attacked an unarmed man, ferociously and repeatedly. You took Mr Horack's life simply because he claimed a closer relationship than you with Mr Campbell. The offence was caused by your jealousy and insecurity (Almansouri 2013).*

«Я считаю, что будет справедливо назначить вам наказание в виде пожизненного лишения свободы. Вы совершили несколько яростных нападений на безоружного человека. Вы лишили Мистера Хорака жизни только потому, что он утверждал, будто состоит в более близких отношениях с мистером Кэмпбеллом, чем вы. Преступление было вызвано вашей ревностью и чувством неуверенности».

Как показывают наши наблюдения, эпитеты, которые не считаются типичной стилистической характеристикой русского юридического языка, широко используются в текстах англоязычных приговоров.

Поскольку объектом исследования является дискурс институциональный, принципы построения которого определяются его функциями и институциональными традициями, эмоциональность англоязычных приговоров обусловлена культурным контекстом формирования этого жанра. Как замечает Э. Лиддикот, «при любом культурно ориентированном жанровом анализе жанр должен рассматриваться как помещенный в ситуативный контекст, как явление культурно обусловленное и культурно обуславливающее» [Liddicoat 2009: 120].

Свет на историческое развитие жанра приговора в англосаксонской культуре проливает работа американского исследователя П. Тиерсмы [Tiersma 2007]. Исследование вопроса о текстуализации прецедента ученый начинает с указания на существование в англо-американском мире двух источников законодательства – писаного закона (lex scripta) и неписаного закона (lex non scripta). Второй включает судебные решения, которые традиционно имели устную форму, приносились со скамьи и фиксировались в письменной форме начиная с XIII в. «Неписанный закон, создаваемый судьями, в течение долгого времени навязывался самой юридической сферой, особенно в Англии, как превосходящий во многих отношениях письменные постановления законодателей... Даже в наши дни английские судебные решения не обязательно должны быть записаны судьей или секретарем, чтобы иметь силу прецедента», – пишет П. Тиерсма [Tiersma 2007: 1187–1188].

Для существовавших изначально в устной форме англоязычных судебных решений эта форма остается актуальной и в наши дни. Таким образом, культурно-исторический контекст формирования англоязычных судебных решений в значительной степени определяет описанный выше их языковой облик, отличающий их от соответствующих жанров в российской судебной системе.

5. ВЕЖЛИВОСТЬ И НЕВЕЖЛИВОСТЬ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ СУДЕЙ

Дискурс российских и англоязычных судей различен в части реализации прагматической категории вежливости. Категория вежливости применима к любому типу социального взаимодействия, включая взаимодействие в зале суда. Любой судебный процесс по определению представляет собой конфликт, противостояние интересов двух сторон, которые, защищая свои интересы, оказываются вовлеченными в речевую деятельность, представляющую угрозу лицу другой стороны. С другой стороны, для того, чтобы судебный процесс протекал гладко, без коммуникативных неудач и срывов, необходимо сохранение определенного уровня социальной гармонии. Такая гармония достигается специфическими языковыми средствами. Некоторые аспекты применения средств вежливости участниками судебных процессов в России и Англии обсуждались нами в [Дубровская 2008]. Обратимся к специфике поведения судей.

Вежливость и невежливость речевого поведения судей тесно связана с теми функциями, которые судья выполняет в ходе судебного процесса. Как было отмечено выше, в ходе состязательного судебного процесса судьи должны молча наблюдать за судебным спектаклем, разыгрываемым перед ними, но это идеальная картина. Анализ речевых данных показывает, что все судьи в большей или меньшей степени контролируют и регулируют судебный процесс, что предполагает совершение ими вербальных актов угрозы лицу (face-threatening acts). Выражение сомнений в правильности мнения собеседника, перебивы, обсуждение темы, нежелательной для собеседника, окончание

взаимодействия – все эти речевые акты, рассматриваемые в рамках теории вежливости как акты угрозы лицу [Bloor, Bloor 2007: 102], широко реализуются в речи судей. Мы полагаем, что их можно отнести к актам «институционально санкционированной невежливости» (термин С. Миллз [Mills 2005]) и нельзя считать в полном смысле атаками на лицо адресата. Скорее, это необходимый способ выполнения судьей своих обязанностей и удержания контроля в суде.

Обсуждая вопрос контроля в зале суда, С. Филипс пишет: «Контроль в зале суда прежде всего относится к способности судьи на расстоянии оказывать влияние на действия физических лиц, находящихся в зале суда, без применения физического воздействия. Это влияние осуществляется посредством речи и главным образом состоит в контроле речи других» [Philips 1998: 89]. Исследовательница объясняет, почему судьи считают очень важным сохранять контроль в зале суда: высказывания участников процесса, не соответствующие создаваемой правовой реальности, разрушают состоятельность судебного процесса [Ibid.: 92].

Данное объяснение оправдывает многие ситуации совершения судьями актов угрозы лицу, например, ограничение количества речи свидетеля (англ.: *You need not read the whole of it.* – русск.: *Все, достаточно*) или контроль темы и указание на ожидаемое направление ее развития (англ.: *What I will ask you to do though is this.* – *Что я вас попрошу сделать, так это следующее*). Такие акты представляются нам универсальными, характерными для судебного дискурса независимо от лингвокультуры, в которой он формируется.

В то же время в судебном дискурсе обнаруживаются и национально-специфические черты, связанные с речевой реализацией категории вежливости. Англоязычные судьи в большей степени склонны применять средства вежливости для смягчения актов угрозы лицу и придания их высказываниям более тактичной формы. К вербальным средствам вежливости в речи англоязычных судей можно отнести разделительные вопросы, метакоммуникативные конструкции, этикетные слова и фразы. В отличие от англоязычных судей, российские представители судебной власти редко прибегают к средствам вежливости, реализуя свою власть в зале суда с помощью императивных высказываний.

Приведем пример типичной ситуации, когда английский судья сопровождает извинением перебив с целью уточнения медицинского термина у подсудимого и, получив информацию, благодарит адвоката:

- (16) JUDGE: *I am sorry to interrupt, can I just be sure what that word is. I think I was originally told it was depression?*
DEFENDANT: *Dysuria. D-Y-S-U-R-I-A?*
JUDGE: *Thank you, Miss Davies* (Shipman 1999–2000).
«Судья: Прошу прощения, что перебиваю, но мне просто нужно проверить, что это за слово. Я думал, что изначально речь шла о депрессии.
Подсудимый: Дизурия. Д-и-з-у-р-и-я?
Судья: Спасибо, мисс Дэйвис».

В другой ситуации английский судья, выражая свое недовольство по поводу вовремя не подготовленных адвокатом документов, смягчает высказывание метакоммуникативной конструкцией (*I am bound to say it is regrettable...*):

- (17) JUDGE: *I am bound to say it is regrettable that it was not addressed this time round <...>* (Weddell 2007).
«Судья: Вынужден сообщить, что вызывает сожаление тот факт, что вопрос не был рассмотрен сейчас <...>»

Отметим, что в подобной ситуации российская судья выражает крайнюю степень раздражения, и ее реплика звучит очень прямолинейно, если не грубо:

- (18) ПРОКУРОР: *...Прошу объявить перерыв до 23 февраля, соответственно до пятницы. В пятницу я буду готова приступить к прениям и дать заключение.*
СУДЬЯ: *О чем вы думали, когда я задавала вопрос, можем ли мы перейти к прениям?* (Свидетели Иеговы 2001)

Приведем еще один пример высказывания, не смягченного средствами вежливости. В ситуации, когда истец не может вспомнить некоторые обстоятельства дела, судья выясняет обстоятельства дела следующими вопросами:

- (19) СУДЬЯ: *Когда вы приказы получили? 26 декабря отпечатал секретарь или там кто, начальник отдела кадров, вот эти приказы? Или нет? Если отпечатал, то какие? Почему вы вдруг решили их взять, а раньше очков не было? А в этот раз, наверное, очки появились? Так что ли?* (А/З 2012)

Высказывания, подобные приведенным в примерах (18) и (19), нельзя оправдывать национальной спецификой речевой культуры. В таких ситуациях речь идет о невысокой профессиональной компетентности судей, частью которой должна являться коммуникативная компетентность. (Более подробно вопрос о коммуникативной компетентности представителей юридической профессии был рассмотрен нами в [Дубровская 2012].)

Обнаруженные различия в реализации категории вежливости российскими и англоязычными судьями по сути не касаются типов речевых актов: и в российском суде, и в англосаксонском судопроизводстве распространены акты угрозы лицу, которые являются неотъемлемой характеристикой судебного дискурса. Различия касаются языковой формы воплощения этих речевых актов: тенденция к смягчению проявляется в значительной степени только в дискурсе англоязычных судей.

Кроме того, англоязычные судьи используют в речи такую коммуникативную тактику, которая представляется нам тесно связанной с особенностями английского менталитета. Это тактика «самоуничижения». В отличие от возвеличивания самого себя, предполагающего относительное уничижение слушающего [Cruse 2004: 377], самоуничижение понижает статус говорящего, повышая таким образом статус слушающего. В то же время следует учитывать, что обратной стороной самоуничижения, которое представляет собой один из способов выражения в речи категории вежливости, является ирония. Антрополог и исследовательница английского характера К. Фокс отмечает всепроникающий характер иронии в английской коммуникации и характеризует английское самоуничижение как форму иронии: «Английское самоуничижение можно рассматривать как форму иронии. Оно обычно предполагает не искреннюю скромность, а выражение мнения, противоположного по смыслу тому мнению, что мы в действительности имеем, или, по меньшей мере, противоположного тому пониманию, которого мы ждем от людей... У нас есть строгие правила проявлений скромности. Они включают как “негативные” правила, такие как запрет хвастовства и любых других проявлений собственной значимости, так и “положительные” правила, предписывающие активное применение самоуничижения и насмешки над собой» [Fox 2005: 68].

Рассмотрим пример самоуничижительной ремарки в речи английского судьи. Не понимая объяснение адвоката, касающееся улики, судья называет самого себя глупым (*dull*):

- (20) JUDGE: *I am being very dull, but I do not understand the combination of handwriting evidence and of computer use* (Weddell 2007).
«Судья: *Я чувствую себя глупцом, но я не понимаю, как связаны между собой почерковедческая экспертиза и использование компьютера*».

Стоит уточнить, что в предложении *I am being very dull* использовано время Present Continuous, указывающее на то, что качество, приписываемое себе судьей, не является постоянным, а характеризует его в конкретный момент. Понятое буквально, высказывание звучит как понижающее статус говорящего и повышающее статус адресата. Однако скрытая ирония дает возможность иной интерпретации высказывания, согласно которой адресат не смог ясно выразиться и это спровоцировало ироничный комментарий судьи. Интерпретированная так или иначе, самоуничижительная ремарка судьи сохраняет главную функцию, помогая судье держать под контролем ход судебного процесса. Самоуничижительные комментарии не встретились нам в русском речевом материале, что позволяет говорить об их национально-специфическом характере.

6. ВЫВОДЫ

Было бы неправильно упрощать общую картину речевого поведения судей и утверждать, что англоязычные судьи всегда следуют традиционным нормам состязательной системы правосудия, демонстрируют эмоциональную сдержанность и сохраняют нейтралитет, тогда как российские судьи всегда берут на себя выполнение инквизиционных функций, склонны к эмоциональности, оценочности и категоричности. Тем не менее анализ материала позволяет говорить о существовании этих тенденций в речевом поведении судей. Такие тенденции можно считать национально-специфическими, и в работе мы связали их с историческим и современным социальным контекстом, а также с конвенциями национального коммуникативного поведения и некоторыми особенностями национального мышления. Анализ показал, что дискурс судей – это сложное целое, обусловленное постоянным взаимодействием исторического развития судебной системы, существующих институциональных норм, конкретного ситуативного контекста, жанровых форм высказывания, общепринятых коммуникативных норм и национального мышления. Поскольку все эти характеристики образуют культурный контекст, можно говорить о том, что судебный дискурс представляет собой культурный феномен, подверженный воздействию разнонаправленных факторов и часто далекий от его описаний в нормативных документах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров 2003 – *А.С. Александров*. Введение в судебную лингвистику. Нижний Новгород, 2003.
- Берн 2008 – *Э. Берн*. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. М., 2008.
- Вежбицкая 1997 – *А. Вежбицкая*. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Гачев 1998 – *Г.Д. Гачев*. Национальные образы мира: курс лекций. М., 1998.
- Дубровская 2008 – *Т.В. Дубровская*. Вежливость и невежливость в русском и английском судебном диалогическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 8. Саратов, 2008.
- Дубровская 2012 – *Т.В. Дубровская*. О коммуникативной компетенции юристов в судебном дискурсе // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 10. Ставрополь, 2012.
- Касьянова 1994 – *К. Касьянова*. О русском национальном характере. М., 1994.
- Кодекс 2012 – Кодекс судейской этики (2012) // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70201432/> (дата обращения: 29.03.2013).
- Маслов 2009 – *В.И. Маслов*. Менеджмент в эпоху глобализации. М., 2009.
- Моисеева 2003 – *Т.В. Моисеева*. Обеспечение беспристрастности и объективности судей при рассмотрении уголовных дел // Журнал российского права. 2003. № 6.
- Овчинников 1987 – *В.В. Овчинников*. Сакура и дуб // Роман-газета. 1987. № 4.
- Садохин 2004 – *А.П. Садохин*. Межкультурная коммуникация. М., 2004.
- Стернин 2000 – *И.А. Стернин*. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 2000.
- УПК 2008 – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 15 сентября 2008 г.). Новосибирск, 2008.
- Уфимцева 2000 – *Н.В. Уфимцева*. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2000.
- Bennett, Feldman 1981 – *W.L. Bennett, M.S. Feldman*. Reconstructing reality in the courtroom. Justice and judgment in American culture. New Brunswick, 1981.
- Bloor, Bloor 2007 – *M. Bloor, Th. Bloor*. The practice of critical discourse analysis: an introduction. London, 2007.
- Conley, O'Barr 1990 – *J.M. Conley, W.M. O'Barr*. Just words. Law, language, and power. Chicago; London, 1990.
- Cotterrell 2006 – *R. Cotterrell*. Law, culture and society: legal ideas in the mirror of social theory. Aldershot, 2006.
- Cruse 2004 – *A. Cruse*. Meaning in language: an introduction to semantics and pragmatics. Oxford, 2004.
- Evans 1995 – *K. Evans*. Advocacy in court: a beginner's guide. London, 1995.
- Fox 2005 – *K. Fox*. Watching the English: the hidden rules of English behaviour. London, 2005.

- Gibbons 2005 – *J. Gibbons*. Forensic linguistics: an introduction to language in the justice system. Oxford, 2005.
- Greenfield, Osborn 2003 – *S. Greenfield, G. Osborn*. Film lawyers: above and beyond the law // *Criminal visions: media representations of crime and justice*. Cullompton, 2003.
- Guide 2007 – Guide to judicial conduct (2007) // Сайт Верховного суда Западной Австралии. URL: [http://www.supremecourt.wa.gov.au/_files/GuidetoJudicialConduct\(2ndEd\).pdf](http://www.supremecourt.wa.gov.au/_files/GuidetoJudicialConduct(2ndEd).pdf) (дата обращения: 29.03.2013).
- Guide 2009 – Guide to judicial conduct (2009) // Сайт Верховного суда Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. URL: http://www.supremecourt.gov.uk/docs/guide_to_judicial_conduct.pdf (дата обращения: 29.03.2013).
- Liddicoat 2009 – *A.J. Liddicoat*. Communication as culturally contexted practice: a view from intercultural communication // *Australian journal of linguistics*. 2009. V. 29. № 1.
- Mills 2005 – *S. Mills*. Gender and impoliteness // *Journal of politeness research: language, behaviour, culture*. 2005. V. 1. № 2.
- Mills 2011 – *B. Mills*. The criminal trial: courtroom practices, policies and procedures. Sydney, 2011.
- O'Barr 1982 – *W. O'Barr*. Linguistic evidence. Language, power and strategy in the courtroom. New York, London, 1982.
- Philips 1998 – *S. Philips*. Ideology in the language of judges: how judges practice law, politics and courtroom control. New York; Oxford, 1998.
- Rathmayr 1996 – *R. Rathmayr*. Pragmatik der Entschuldigungen. Vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur. Köln, 1996.
- Renteln 2005 – *A.D. Renteln*. The cultural defense. New York; Oxford, 2005.
- Richmond 1992 – *Y. Richmond*. From nyet to da: understanding the Russians. Yarmouth, 1992.
- Rosen 2008 – *L. Rosen*. Law as culture: an invitation. Princeton, 2008.
- Stygall 1994 – *G. Stygall*. Trial language: differential discourse processing and discursive formation. Amsterdam; Philadelphia, 1994.
- Thaler 1994 – *P. Thaler*. The watchful eye: American justice in the age of the television trial. Westport (CT); London, 1994.
- Thaler 1997 – *P. Thaler*. The spectacle: media and the making of the O.J. Simpson story. Westport (CT); London, 1997.
- Tiersma 2007 – *P. Tiersma*. The textualization of precedent // *Notre Dame law review*. 2007. V. 83. № 3.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- A/3 2012 – Аудиозаписи гражданского процесса в районном суде, сделанные автором.
- Приговор 2008 – Приговор по уголовному делу
- P3 2008/1 – Ручные записи уголовного процесса в районном суде, сделанные автором.
- P3 2008/2 – Ручные записи уголовного процесса в районном суде, сделанные автором.
- P3 2009 – Ручные записи уголовного процесса в районном суде, сделанные автором.
- Свидетели Иеговы 2001 – Стенограммы судебного процесса «О ликвидации религиозной организации “Свидетели Иеговы” и запрете ее деятельности» // URL: http://www.jw-media.org/region/europe/russia/russian/moscow/u_courttranscripts.htm.
- Almansouri 2012 – Trial transcripts «The State of Western Australia v. Almansouri» (ручные записи, сделанные автором).
- Almansouri 2013 – Sentence in the case «The State of Western Australia v. Almansouri» // URL: <http://decisions.justice.wa.gov.au/supreme/supSR.nsf/main.xsp>.
- Huntley, Carr 2003 – Trial transcripts REGINA v. Ian Huntley and Maxine Carr // URL: <http://www.bernardmahoney.com/forthcb/pdt/hajdocuments.shtml>.
- Shipman 1999–2000 – Trial transcripts REGINA v. Harold Shipman // URL: <http://www.the-shipman-inquiry.org.uk/trialtrans.asp>.
- Weddell 2007 – Trial transcripts REGINA v. Garry Weddell // URL: http://www.judiciary.gov.uk/publications_media/general/weddell3001082.htm.

Сведения об авторе:

Татьяна Викторовна Дубровская
 Пензенский государственный университет
 guenergy74@gmail.com

Статья поступила в редакцию 2.04.2013.